

Наука в контексте культуры

Д. СТЕЙЛА (Италия)

В ПОИСКАХ «НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ»: СООБРАЖЕНИЯ О РУССКОМ МАХИЗМЕ

В последнем номере журнала «Образование» за 1907 г. был опубликован рассказ «В часы отдыха». Один из его персонажей — врач, осматривающий труп молодого революционера-самоубийцы, — неожиданно находит бумаги покойного и говорит своему помощнику:

— ...это переводы с немецкого. Какая-то книжка по философии. Видите: «последователи Маха находят, что критический монизм в том его развитии...» Мм... да... «Абстрагируя данную тенденцию от ее реальной сущности...» «Глава третья: "Эмпириомонизм и ортодоксия"...»

— Все равно, значит, революционное... — Помощник пошевелил усами: — Умничают. А потом от большого ума сами себе мозги вышибают...¹

В самом деле, интерес к эмпириокритицизму — новейшему воплощению идеала «научной философии», на который издавна ориентировалась традиция русской передовой мысли, — в то время настолько распространился среди революционеров, что над этим можно было легко иронизировать². Так, около 1905 г. «махизм» именно как философское течение овладел умами русской социал-демократии и «махист» стал синонимом понятия «революционер». Хотя в рамках академической и университетской философии уже делались переводы некоторых работ об эмпириокритицизме, которые дополняли переводы, уже опубликованные в журналах³, читались лекции⁴, а в Московском университете Роберт Юрьевич Виппер занимался пересмотром традиционных понятий истории в духе эмпириокритицизма с его характерными возражениями против «закономерности» и «причинности»⁵, в фокусе внимания прессы и образованного общества были тогда дебаты о махизме между марксистами.

Конечно, народники и социалисты-революционеры неоднократно подчеркивали, что теоретические основания марксистов-махистов не были столь уж оригинальными. Например, в 1909 г., когда внутри большевистской фракции разгорелся известный философский спор, рецензент журнала «Русское богатство» по поводу одной статьи В. Базарова писал следующее: «Если бы эта статья г. Базарова появилась несколько лет тому назад, то, может быть, многие и не поверили бы, что она написана марксистом. Тогда призыв под знамя эмпириокритицизма Маха и Авенариуса, критика "истин" метафизического материализма, ссылка на ранние работы Маркса в пику "догматическому" марксизму гг. Плехановых и т.д. клеймились как "мелкобуржуазная идеология" последователей П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Но — tempora mutantur...»⁶.

Эмпириокритицизм превратился в значительное явление русской культуры уже в 80—90-е гг. XIX в.: в дискуссиях, которые вела русская интеллигенция, стало принятым ссылаться сперва на Авенариуса, а затем и на Маха; труды обоих начали переводить на русский язык, да так быстро и полно, как ни на какие другие языки; на страницах журналов, на заседаниях различных обществ и даже в ходе политических дебатов стали обсуждать не только научно-популярные очерки Маха, но и его специальные работы, а также сложные философские построения Авенариуса. Эмпириокритицизмом интересовались повсюду: в университетах и лабораториях, в общественных, литературных и политических кругах.

Успех махизма в России был во многих отношениях исключительным яв-

нием для тогдашней Европы. В целях распространения и обсуждения своих воззрений Авенариус в 1876 г. основал журнал «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», имевший немалый успех в течение двадцати лет. Но когда основатель журнала умер, его ближайшие последователи сохранили бразды правления только на короткое время — в 1898 г. это периодическое издание перешло в руки социолога и философа истории Пауля Барта (Paul Barth), который в значительной мере изменил его направление. Идеи Авенариуса — а их в какой-то степени можно считать первым наброском теории систем — вскоре были забыты почти во всей Западной Европе. В 1910 г. Мах заметил: «Ныне, спустя много лет после смерти, Авенариус находит гораздо больше поклонников в Италии, России и Франции, чем на своей родине»⁷. Только то обстоятельство, что Мах хотя и стремился дистанцироваться от Авенариуса, но все же ссылался на него как на одного из своих предшественников, помешало тому, чтобы Авенариус оказался полностью забытым.

Мах же, напротив, приобретал все большую известность. Современная физика высоко оценила его научные труды, а благодарность Эйнштейна (хотя сам Мах ее и не принял) способствовала тому, что к нему обращались как к пророку новейшего естествознания⁸. На эпистемологию Маха ссылались неопозитивисты Венского кружка, черпая в ней свое вдохновение и рассматривая ее как основу дальнейших поисков⁹. Но влияние воззрений Маха, особенно в Центральной Европе, не ограничивалось только профессиональными — научными и философскими — кругами: его система взглядов оказала воздействие на таких писателей, как Шнитцлер (Schnitzler), Бар (Bahg), Г Hofmannsthal) и особенно Музиль (Musil), который посвятил Маху свою философскую диссертацию. Тогда же австрийский марк-

Эрнст Мах (1838—1916)

сист Фридрих Адлер попытался соединить философию Маха с принципами исторического материализма¹⁰.

Как известно, в России попытка развить марксистскую интерпретацию эмпириокритицизма была особенно широкой по масштабам и значительной по своим интеллектуальным последствиям. Если, скажем, Фридрих Адлер и пытался подойти по-новому к Марксу — через Маха, то тем самым он хотел лишь способствовать теоретическому развитию марксистской философии. На Западе во имя Маха не происходили никакие политические битвы, не совершались отлучения и расколы. В России дело обстояло иначе, особенно в 1905—1910 гг. В эти годы махизм стал существенным элементом политической борьбы — вначале внутри социал-демократической партии, в полемике между большевиками и меньшевиками, а затем и внутри большевистской фракции. Мах неоднократно получал сведения об этой необычной ситуации. Так, в 1907 г. один из русских adeptов махизма писал ему, что в России «громадное большинство тех, что принимают Ваши и Р. Авенариуса взгляды, являются в то же время сторонниками учения Маркса»¹¹. Или другой пример: Фридрих Адлер, который с интересом следил за распространением марксизма в России (благодаря тому, что был женат на русской и она переводила для него новейшие публикации), в 1909 г. рассказывал

Маху, что в России продолжается «борьба вокруг Маха» («der Kampf um Mach») ¹². А в следующем году некий сторонник махизма из Екатеринославля в письме к Маху сообщал: «...во Ваше имя (чем, я думаю, Вы немало удивитесь) воедятся бои в журналах, о которых Вы ничего не знаете. Есть даже особое выражение: "Махизм"» ¹³.

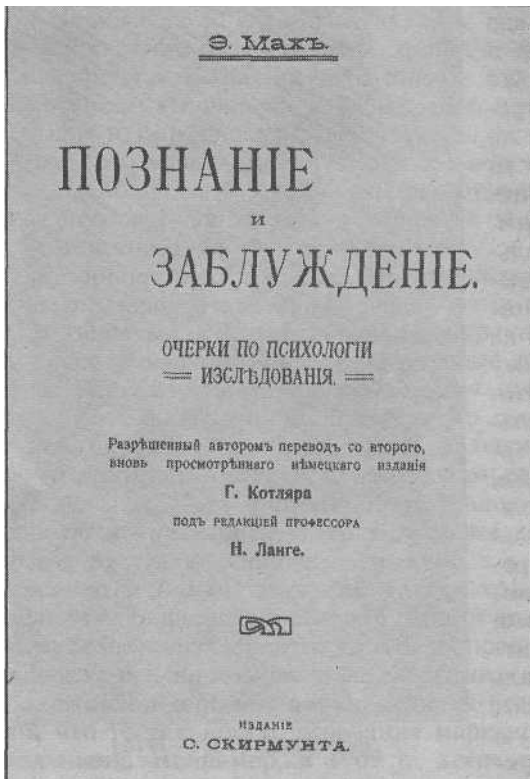
Хотя сам Мах никоим образом не поддерживал такое понимание своего учения российскими марксистами ¹⁴, в России его имя стало символом нового, «критического» марксизма и стремления идти нога в ногу с современными естествознанием и эпистемологией. Махизм рассматривался «как знамя, поднятое в рядах

марксистов во имя свободного философского исследования» ¹⁵. Марксисты-ортодоксы, лидером которых был Г. В. Плеханов, считали, что «объективная истина» безусловно существует и ее можно и нужно только «дополнять и подтверждать» в ходе дальнейшего развития познания, но не отменять или разрушать ¹⁶. Те же, кто считал себя сторонником взглядов современной эпистемологии, полагали, что «традиция Маркса—Энгельса должна быть дорога нам не как буква, но как дух» ¹⁷.

В связи с этой полемикой А. В. Луначарский писал: «...социал-демократические истины тоже порождаются, в большинстве случаев, как искры, из столкновения взглядов; и это ничуть не мешает тому, что идеология рабочего класса в корне своею едина и стремится быть единой и в своем завершении, в грядущем куполе своего всеобъемлющего, еще строящегося мировоззрения» ¹⁸. При этом, по мнению Я. Бермана, «обязанность каждого марксиста-теоретика пока собирать камни для этой будущей постройки и расчищать для нее место» ¹⁹, быть гото-

вым воспринимать живые направления современной философии ²⁰. В этом контексте столкновение между ортодоксальными и критическими взглядами становилось для махистов, принимающих в нем участие, борьбой «между марксизмом — застывшим, догматическим вероучением, и марксизмом — вечно живым и обновляющимся научным мировоззрением» ²¹.

Хотя, как отмечалось выше, марксистское восприятие учения Маха в России было значительным явлением, оно было только составляющей более широкого интеллектуального движения. Его предварял и сопровождал общий интерес к так называемому «второму позитивизму», которым еще в конце XIX в. увлекались кружки народников, многие толстые журналы и существенная часть интеллигенции, читавшая Маха и Авенариуса отнюдь не только потому, что нуждалась в удовлетворении чисто теоретических потребностей ²². Совсем недавно Е. В. Барабанов пронизательно заметил, что «в русской традиции философия отождествилась с мировоззрением — с системой готовых ответов на трудные вопросы ума и жизни» ²³. Поэтому с ожиданиями получить «готовые ответы» читали в России и труды других известных европейских философов от Гегеля до Ницше. Эмпириокритицизм (равно как и прагматизм) не только способствовал более или менее систематическому рассмотрению сугубо тео-

ретических вопросов, но и порождает общие, ориентирующие воззрения интерпретации социальной действительности и, возможно, ее преобразования.

Когда умер Николай I, границы Российской империи открылись, в частности, для влияния западной мысли: эволюционизм Дарвина, антикритицизм немецкой физиологии и психология Спенсера так или иначе стали достоянием передовой культуры. В то же время для оправдания догматов религиозной веры и создания фундамента официальной идеологии в академиях, университетах и Церкви опирались на спекулятивную традицию идеализма²⁴. Чтобы противопоставить свои представления идеологии автократии, самые влиятельные представители передового лагеря интеллигенции апеллировали к науке, именно в ней они черпали аргументы для своих политических и социальных взглядов, будучи убежденными в том, что «основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе»²⁵. Не случайно в последней четверти XIX в., когда происходили столкновения между народниками и марксистами, было признано, что одним из основных преимуществ марксизма перед системой взглядов, которые исповедовали народники, является его якобы большая научность. Субъективизму народников, отстаивавших ведущую роль свободного действия личности в истории, марксисты противопоставляли исторический детерминизм и свою уверенность в том, что существуют объективные исторические закономерности, которым должна подчиняться человеческая деятельность, если она действительно стремится к достижению намеченной цели. Таким образом, марксисты обосновывали превосходство своего мировоззрения «научным» объяснением исторического процесса. Признавать в социальной истории наличие такой же объективной необходимости, какую естественные науки признают в природе, представлялось для этих людей самой надежной опорой марксистского мировоззрения и верным обеспечением успеха практических действий, построенных в соответствии с подобной схемой исторической детерминации²⁶.

Переживаемый в конце XIX—начале XX в. кризис естествознания и позитивистской философии вызвал в России глубокую растерянность в душах тех, кто выбрал своим идеалом надежность и твердость научных знаний. Пропало доверие к результатам исследований; сами ученые открыто признавали, что не существует никаких «окончательных итогов»; понятия, которые использовались наукой в течение десятилетий, продемонстрировали свою неустрашимую условность. Один из выдающихся представителей естествознания той эпохи Дмитрий Иванович Менделеев с тревогой отмечал неприятные последствия для большей части русской интеллигенции объявленного «банкротства» науки, достижения которой привычно считались безусловно объективными и неоспоримыми: «Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-нибудь допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся "объять необъятное" по образцу Оствальда или хоть Циглера... в целой интеллигенции, привыкшей держаться "последнего слова науки", но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках; печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшей молодежи»²⁷.

В свете кризиса классического позитивизма эмпириокритицизм воспринимался как новая научная парадигма, одновременно строгая и гибкая, в соответствии с которой можно было бы и оставаться на рубежах новейшей эпистемологии, и сохранять почтительное отношение к естествознанию, продолжавшемуся считаться неоспоримым эталоном научности. В то время как неокантианство находило фундамент научности естествознания в трансцендентальных структурах чистого сознания, эмпириокритицизм выступал в качестве наследника позитивизма, утверждающего ценность существующего научного познания и, более того, способного вывести идеал познания на базе конкретного анализа современной научной практики. Так,

Э. Мах признавал особую роль научного познания для жизни общества, хотя и подчеркивал относительность открытий и условность научных принципов и понятий; Р. Авенариус впрямую основывал свои аргументы на данных психофизиологии²⁸.

Именно от «Конта к Авенариусу» прошел свой теоретический путь Виктор Владимирович Лесевич, «первый и крупнейший русский эмпириокритик»²⁹. Он считал, что последователи Конта «успели только атрофировать зачатки философской жизни позитивной системы», превратив ее в новую метафизику. В то время как позитивисты стояли, по словам Лесевича, «на страже своей иерархической схемы, затыкая уши для всего, что происходит вне их прихода»³⁰, сам он возлагал надежды в деле создания научной философии на критический реализм А. Рилля и К. Геринга, а также на позитивизм, преобразованный в духе критицизма. И именно тогда, когда Лесевич впитывал идеи неокритической философии, ему довелось прочитать первый номер журнала Авенариуса, который, как ему показалось, провозглашал аналогичные принципы³¹. Более того, «критика опыта» Авенариуса и его школы шла дальше и была более последовательной в «очищении опыта от метафизики», чем у кантианцев. «Рихард Авенариус, исследуя вопрос об очищении опыта от всех наносов, ему чуждых, пояснил, что *чистый* опыт является *чистым* не только от антропоморфизма, обусловленного чувствами, но и от антропоморфизма, обусловленного разумом, т.е. от априорных форм мышления»³².

По мнению Лесевича, «научная философия» важна не только для области отвлеченной теории, но и для практики, поскольку выступает твердым ориентиром действия и, в частности, может быть необходимой опорой «субъективной социологии» народничества. Являясь последователем П. Л. Лаврова, примыкая к либеральному национализму М. П. Драгоманова, сотрудничая в толстых журналах демократического направления (сначала в «Отечественных записках», а затем в «Русском богатстве» и «Русской мысли»), будучи другом Н. К. Михайловского³³, Лесевич нашел в «критике опыта» новые доводы в пользу субъективной социологии, которую все резче начинал критиковать марксизм. Как известно, Лавров и Михайловский решительно отвергали понятие необходимой закономерности в истории; по их мнению, общество в целом является полем человеческих действий и в нем господствуют этические ценности и целесообразность. Поэтому было бы ошибкой обращаться к «нейтральному познанию», управляющему человеческим выбором в соответствии с объективными и бесстрастными критериями. С точки зрения Лесевича, отсюда следует некий познавательный релятивизм, который хорошо согласуется со своего рода «практическим абсолютизмом»³⁴. Поскольку вопрос о том, что есть объект в себе, должен остаться без ответа, становится неизбежным приписывание субъекту выбора оценок и познавательных процедур. Такой релятивизм нетрудно затем соединить с эмпириокритицизмом, для которого как раз и характерны нападки на метафизику. Примечательно, что в 1893 г. в журнале Авенариуса совершенно независимо от рассуждений русских «субъективистов» появилась статья, утверждающая, что объективное познание истории невозможно и что при анализе исторических событий индивидуальная точка зрения субъекта неустранима³⁵.

Глубоко убежденный в том, что эмпириокритицизм «должен быть сочтен одним из величайших и блистательнейших приобретений только что минувшего века»³⁶, Лесевич с конца 70-х гг. и до последних лет жизни (он умер в 1905 г.) с упоением занимался разработкой и распространением этого учения. Его сочинения убеждали многих молодых людей, особенно революционеров, в необходимости изучать «критику опыта»³⁷. Некоторые из них даже отправлялись в Цюрих, где уже существовала колония студентов и политических эмигрантов. Ф. Карстанин в некрологе об Авенариусе подчеркивал, что его лекции посещали многочисленные русские слушатели, а В. Д. Бонч-Бруевич утверждал, что философ «пользовался огромной популярностью среди не только его слушателей, но и вообще среди студенчества». Русские студенты видели в нем философа-подвижника, целиком преданного обоснованию и развитию научной философии. Авенари-

ус, вероятно, представлял для студенчества привлекательный тип человека «без догматов», могущий стать образцом для поколения русской интеллигенции, выросшего под влиянием произведений Чернышевского и Писарева³⁸.

То же самое можно сказать и о Махе. В конце XIX в. Мах, будучи профессором экспериментальной физики в Немецком университете в Праге (до того, как он стал профессором философии в Вене), уже встречался с теми молодыми русскими, которые приехали на Запад для продолжения своего образования. Об этом свидетельствует множество писем, хранящихся в Архиве Института Эрнста Маха во Фрибурге, в которых студенты и молодые ученые из разных мест Российской империи просили у Маха разрешения посещать его лабораторию или благодарили за обучение³⁹. Надо добавить, что учебники Маха по физике, написанные для широкой аудитории, пользовались большой популярностью в русских школах, что привело, в частности, к появлению нескольких неавторизованных переводов этих книг, о чем сам автор узнавал только от своих русских последователей⁴⁰.

Хотя Мах был уже хорошо известен в России с конца 80-х—начала 90-х гг. благодаря трудам в области физики⁴¹, с его теорией познания русские слушатели впервые могли познакомиться в изложении инженера Петра Климентьевича Энгельмейера, прочитавшего 1 марта 1897 г. на заседании Московского психологического общества лекцию на эту тему. Энгельмейер переписывался с Махом (с 1894-го по 1912 г.), неоднократно объявлял себя его последователем и другом и поставил перед собой задачу «сообщать идеи (Маха. — Д.С.) русской образованной публике»⁴². Так, он содействовал переводу и публикации «Научно-популярных очерков»⁴³, а Мах, со своей стороны, в предисловии к сокращенному немецкому переводу работы П. К. Энгельмейера «Теория творчества» объявил себя одним из его «благодарнейших читателей»⁴⁴.

Вслед за публикацией текста лекции Энгельмейера в «Вопросах философии и психологии»⁴⁵ в русских журналах появилось немало переводов произведений Э. Маха и Р. Авенариуса. Для того чтобы предоставить работы «лучших умов Германии» в распоряжение российского читателя и тем самым способствовать развитию самобытной русской философии⁴⁶, журнал «Научное обозрение» в 1898—1902 гг. издал переводы нескольких статей Маха, двух больших работ Авенариуса, обширный очерк о психологии Авенариуса, который был основан на рукописных материалах одного из учеников философа, а также подробное изложение начал эмпириокритицизма, сделанное М. М. Филипповым — главным редактором и энтузиастом этого журнала⁴⁷. Переводы научно-популярных статей Маха появлялись и в других журналах, а в 1904 г. вышла первая русская версия «Анализа ощущений»⁴⁸. Кроме того, в 1900—1901 гг. журнал «Жизнь» опубликовал ряд статей А. Гуревича, о которых Н. Валентинов писал несколько лет спустя, что они, бесспорно, являлись лучшим изложением основ научной философии⁴⁹. Эмпириокритицизм предлагался Гуревичем в качестве парадигмы целостного мировоззрения, благодаря которому можно одновременно преодолеть кризис современной философии и восстановить утраченное доверие к наукам и прогрессу разума. Гуревич писал в заключение: «...наука представляет из себя развивающееся вместе с человечеством целое, и ...нашей современной задачей является в области знания, как и в области практики, подготовка наступления других высших форм знания к жизни»⁵⁰.

В то же самое время в русском марксизме выявилось идеалистическое направление, представленное такими фигурами, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. И. Туган-Барановский. Эти философы собирались перестроить «социальный идеал» на моральной основе, отвергая экономико-исторический детерминизм ортодоксальных марксистов. По словам Бердяева, провозгласившего «борьбу за идеализм», «песенка позитивизма, натурализма и гедонизма спета»⁵¹. В этом контексте эмпириокритицизм казался неким «третьим путем» между материализмом и идеализмом, благодаря которому стало возможным как признать объективное основание для притязаний естественных наук, так и сохранить пространство этических идеалов.

Подобную точку зрения высказывал среди прочих и народник Виктор Михайлович Чернов, в будущем идеолог революционного социализма. Вслед за Лесевичем он принял эмпириокритицизм как новый философский фундамент «субъективного метода» в социологии. Чернов полагал, что его взгляды находятся «в равном отдалении и от немецкого философского идеализма, превращавшего философию в метафизику, и от упрощенного материализма, впервые насажденного в России "писаревщиной"»⁵². По мнению Чернова, можно и нужно понимать самого Маркса с позиций субъективной традиции русского народничества, корни которой уходят далее, чем к Лаврову и Михайловскому. Он считал, что уже Герцен, «родоначальник "активно-динамической" школы, как она выразилась на русской почве», высказывался за «органическое соединение, синтез объективизма знания и субъективизма оценки», за идею «о переходе науки, достигшей высшей точки, через самое себя в область "творческого одействования нравственной воли во всех практических сферах"»⁵³. Согласно Чернову, новейшая европейская философия развивалась в том же направлении: такие известные философы, как Дильтей и Риккерт, утверждали, что в науках о человеческом духе невозможно применение абстрактного метода естественных наук, и в этом с ними солидарна русская субъективная школа⁵⁴. Поскольку субъективизм необходим для наук о духе, Чернов, как и Лесевич, указывал на «очищающую» задачу этого метода: ведя свое исследование в соответствии с точными правилами, освобождающими субъективную оценку от произвола, ученый «поднимет неизбежный человеческий субъективизм до степени научно-регулируемого приема мышления, до степени субъективного (или субъективно-телеологического) метода мышления»⁵⁵. Аналогично, по Чернову, западная философия ставит вопрос о превращении «иррегулярного», спонтанного субъективизма в субъективизм, так сказать, «научный»⁵⁶.

Однако русская интеллигенция, как казалось Чернову, в целом равнодушно относилась к брожению философского мышления. Для него самого, как и для Лесевича, «возврат» к Канту вовсе не означал достижения уровня современной эпистемологии. Восторгу Бердяева относительно Канта Чернов противопоставлял критику кантовского априоризма Карлом Герингом. «Не трудно видеть, что основной идеей, проникающей все учение Канта об априорном, является старая метафизическая идея о господстве формы всего сущего над содержанием. В то время как для позитивиста-эмпирика форма и содержание всего сущего едины суть, даны нераздельно и неразрывно, а следовательно, могут различаться лишь в абстракции — для метафизика в *форме* заключается особое, верховное начало, владеющее материалом, подчиняющее его себе, творческое»⁵⁷.

Действительно, само различие между формой и содержанием происходит в зависимости от практических потребностей, которым служит наше познание: различие в объекте пассивной, инертной материи и активной, творческой формы осуществляется в конечном счете в зависимости от человеческого способа пользования объектом, от применения к объекту антропоцентрической схемы. Кант принял это различие, не критикуя, и даже сделал его фундаментом своей теории познания. Поэтому «коперниканский» переворот Канта оказался глубоко «антикоперниканским», так как усилил антропоцентризм вместо того, чтобы его ослабить⁵⁸.

Чернов полагал, что только эмпириокритицизм, новейший наследник позитивизма, смог предложить подлинно антиметафизическую и антиантропоцентрическую теорию познания, хотя и не отрицал неотъемлемой роли субъекта. «Всякий позитивист и всякий эмпириокритицист, — писал он, — признает познание актом, обусловленным относительностью субъекта и объекта, познающего индивида и противостоящей ему среды»⁵⁹. Это отнюдь не означает, согласно Чернову, что необходимо различать и измерять в отдельности два или более «фактора» либо определять из них «господствующий». Для эмпириокритициста «вопрос решен, если всякое "обусловленное" разложено на совокупность его "условий". Дан не трансцендентный, а эмпирический, чувственный, "познающий индивид", дана столь же реальная "окружающая среда" с ее вполне конкретными составными частями

ми»⁶⁰. Только на фундаменте такой эмпирической конкретности, по Чернову, можно построить здание неметафизического познания, соответствующего основным практическим потребностям, т.е. увеличивающего возможности бытия человека в мире и обеспечивающего ему хотя бы в перспективе состояние «равновесия между субъектом и окружающей средой». С этой точки зрения «верховным критерием истинности является пригодность для жизни, способность служить практическим потребностям данным образом организованного существа»⁶¹.

Чернов считал, что «относительность, релятивизм, неверие в "абсолюты" — таковы... природные грехи "позитивизма и эмпиризма"»⁶², которые, казалось бы, характерны и для эмпириокритицизма Авенариуса и субъективизма Михайловского. Однако отрицание вечной истины, всяких абсолютов отнюдь не обрекает политических деятелей на равнодушие и произвол, напротив, укрепляет их новым восторгом «перед величием и беспредельностью открывающихся нам перспектив, перед бесконечно восходящими рядами предстоящего человечеству социального прогресса»⁶³. В пафосе подобного мирозерцания — «одновременно и социологии действительности, и философии действия» — схожи как «здоровое, активно-революционное зерно»⁶⁴ учения Маркса, так и воззрения Михайловского. По этой причине, согласно Чернову, марксисты, пересматривая свои теоретические основы, должны признать превосходство «активно-динамической школы» в социологии, для которой «лучшим философским фундаментом» является эмпириокритицизм⁶⁵.

В ходе прений по поводу одного реферативного доклада Лесевича Михайловский задал ему следующий вопрос: «Каково отношение, по мнению референта, философии Авенариуса к субъективному методу мышления?» Лесевич ответил, что «новая философия "открывает двери и окна для субъективизма"»⁶⁶. Этот очевидный крен в сторону субъективизма не мешал тому, что к «научной философии» обращались также и те марксисты, которые, как и Чернов, отвергали равным образом и идеалистическое направление легальных марксистов, и плехановскую ортодоксию. Более того, для марксистов «научная философия» служила, как выразился один из участников дискуссии, «наилучшим орудием в борьбе с марксистами, продолавающими свой путь "от марксизма к идеализму"»⁶⁷. Характеризуя сложившуюся ситуацию, Р. В. Иванов-Разумник несколько иронично писал: «...чувствуя свое бессилие против критической философии, ортодоксальные марксисты и народники схватились за одно и то же оружие — за эмпириокритицизм Авенариуса — и с трогательным единодушием повели борьбу против нового врага»⁶⁸.

Это заметным образом проявилось в сборнике «Очерки реалистического мировоззрения», который подготовила к изданию группа марксистов, сплотившихся вокруг А. А. Богданова и А. В. Луначарского в Вологодской ссылке⁶⁹. Эта работа должна была служить ответом на издание сборника «Проблемы идеализма». Во введении к «Очеркам...» идеализм несколько парадоксально отвергался как пагубное последствие эпохи идейной слабости и морального разложения, как проявление недоверия к человеческим возможностям и попытка найти убежище в мнимых метафизических твердынях. В противовес тому реалистическое мировоззрение, исповедуемое авторами сборника, находит опору в самой действительности, решительно отвергает всякий абсолют и ни в коей мере не претендует на окончательную истину⁷⁰. Авторы сборника («реалисты») критикова-

*Александр Александрович Богданов
(Малиновский) (1873—1928)
Фото предоставлено Г. Д. Гловели*

*А. А. Богданов-Малиновский
с сыном Александром.
Москва 15 мая 1915 г. (1914 ??)
Фото предоставлено Г. Д. Гловели*

ли эклектизм русской социологической школы в целом, а из ряда современных философских систем наиболее высоко оценивали эмпириокритический монизм, который еще ранее восхваляли и А. А. Богданов, и А. В. Луначарский за радикальное неприятие всяческих метафизических соблазнов⁷¹.

Так, в своей статье указанного сборника В. А. Базаров противопоставил эмпириокритицизм метафизическим устремлениям как идеализма, так и догматического материализма ортодоксальных марксистов. По его мнению, ошибка идеалистов состоит в гипостазировании субъекта познания, ошибка материалистов — в переворачивании метафизического отношения бытия и мышления; между тем «реалистический» монизм Маха и Авенариуса преодолевает противопоставленность самих понятий субъекта и объекта, психического и физического, внешнего и внутреннего⁷². Согласно концепции эмпириокритицизма, понятие закономерности оказывается только «эвристическим» принципом мышления; все научные законы и принципы являются просто формой, в которой находит свое воплощение абстракция, извлеченная из опыта посредством замены изменчивых восприятий постоянными сим-

волами — замены, которая делает возможным в конечном счете применение аналитического метода⁷³. Итак, все физические теории, любые картины мироздания и этические системы обладали и обладают неустранимыми чертами релятивизма. Базаров писал: «Критерий "истины" есть *ценность*, но не абсолютная, а условная и посредственная, зависящая от цели, для которой категория применяется. Категория имеет тем больше ценности, чем легче при помощи ее познавательное овладеть данной эмпирической областью. Так называемый "прогресс" представляется нам не как постепенное "раскрытие" абсолюта, от века неизменного, а как непрерывное творчество новых форм, из которых каждая одинаково "истинна" для своего времени. ...В борьбе за данный познавательный материал побеждает тот научный принцип, который с наименьшей тратой силы овладевает этим материалом; титул истины есть трофей, достающийся победителю»⁷⁴. Таким образом, Базаров с легкостью сделал заключение, что по этому ключевому пункту эмпириокритицизм весьма далек от догматического материализма⁷⁵.

Однако дискуссия между махистами и ортодоксами разгорелась только спустя несколько месяцев. К 1905 г. вопрос об отношении к махизму стал обязательным моментом полемики меньшевиков и большевиков. Меньшевики обвиняли большевиков в том, что те отходят от основных посылок классического марксизма как в теории, так и в практике, склоняясь к субъективизму и волюнтаризму в обеих сферах⁷⁶. Даже независимо от фракционной полемики Г. В. Плеханов и его последователи искренне считали, что подход махистов полностью уничтожает превосходство марксизма над народничеством, которое состоит главным образом в том, что марксизм исходил из представления о существовании гипотетической

Владимир Александрович Базаров
(Руднев) (1874—1939)
Фото предоставлено Г. Д. Гловели

объективной науки об обществе, уверенно объясняющей социальную реальность и ее развитие. Для них впавший в «грех махизма» марксизм оказывается в болоте того самого релятивизма народников, ранее подвергнутого Плехановым столь резкой критике. Слова, с которыми в конце XIX в. Плеханов обращался к «субъективным социологам», казались теперь вполне применимыми к махистам: «...взгляды людей всегда "субъективны", так как те или другие взгляды составляют одно из свойств *субъекта*. Объективны не взгляды "толпы", объективны те *отношения* в природе или обществе, *которые выражаются в этих взглядах*. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня. *Истинны* взгляды, правильно представляющие эти отношения; *ошибочны* взгляды, искажающие их. *Истинна* та естественнонаучная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы; *истинно* то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху»⁷⁷.

В действительности народники и махисты были схожи гораздо более, чем это признавали сами махисты. Они были близки в осмыслении марксизма как «философии действия» в намерении пересмотреть традиционные понятия реальности и причинности, в стремлении утвердить основания нового монизма в критике опыта. Это сходство подчеркивал в полемике Антон Морев, который энергично протестовал против мнимой оригинальности «самокритики» русских марксистов и против их неблагодарности: «...на страницах своих уже многотомных трудов, они даже по имени — не говорим уже добрым словом — не упомянули своих предшественников, стоявших на той же точке зрения эмпириокритицизма и пользовавшихся этой точкой зрения в борьбе с догматизмом марксизма»⁷⁸.

Конечно, для всякого правила имеются исключения. Так, Павел Соломонович Юшкевич, принадлежавший к кругу марксистов-махистов, отметил тот факт, что Чернов использует результаты эмпириокритицизма, но подчеркнул, что это обстоятельство отнюдь не свидетельствует ни о каком особом сходстве махизма с народничеством. Он писал: «Смешно, конечно, видеть, как г. Чернов из агностического позитивиста-континтиста и спенсерианца Михайловского хочет сделать предтечу Маха и Авенариуса. Но сами попытки народников ассимилировать себе результаты научно-философской мысли заслуживают только подражания»⁷⁹.

Подчинение же теоретических концеп-

Павел Соломонович Юшкевич (1873—1945).
Фотография 1900—1901 гг.
Фото предоставлено Г. Д. Гловели

ций разработке той или иной политической теории П. С. Юшкевич отвергал в принципе, и в этом он оказался философом более самостоятельным, чем его товарищи-марксисты. «Значение философской теории совсем не в том, что благодаря ей можно немедленно давать правильные и безошибочные директивы. Ее значение чисто культурное — и только, взятое à la longue, оно может выразиться и в практических ценностях»⁸⁰. Отсюда следует, по мнению Юшкевича, что махизм отнюдь не становится «философией бланкизма в различных его оттенках», хотя на него ссылаются и большевики, и социалисты-революционеры; надо также иметь в виду, что независимо от политических ориентаций своих приверженцев махизм «не перестает быть одним из наиболее прогрессивных течений современной философской мысли»⁸¹.

Конечно, в русском марксизме той эпохи позиция П. С. Юшкевича была неординарной, поскольку тогда считалось, что философия должна подчиняться одной-единственной задаче — построению целостного марксистского мировоззрения. Следует также добавить, что Юшкевич, будучи по своим взглядам меньшевиком, в ходе общей дискуссии сопротивлялся распространенному мнению о том, что махизм является философией большевизма⁸².

Эта тема неоднократно теперь обсуждается в среде историков философии и науки. Так, в 1981 г. А. Келли в своей очень интересной статье задалась вопросом, был ли в действительности эмпириокритицизм «большевистской философией». Публицисты А. Кузьмин и А. Гангнус совсем в другом контексте (продолжение некогда прерванной политической дискуссии) высказали мнение, что махизм был предшественником и вдохновителем сталинизма⁸³. В этом плане замечание П. С. Юшкевича, процитированное выше, имеет и современное звучание: с одной стороны, вполне уместно поставить вопрос о том, что именно сторонники какой-то определенной идеологии искали и находили в той или иной философии, а с другой — было бы совершенно неправомерно ограничить историческое и теоретическое значение философских концепций политическими ориентациями их сторонников.

Эмпириокритицизм пробудил в России бурные страсти и вызвал к себе различное отношение в зависимости от тех практических, политических и этических ожиданий, с которыми обращались к этой философской концепции. Лесевич и Чернов позаимствовали в системе Авенариуса доводы в пользу субъективного метода; марксисты-махисты использовали эмпириокритицизм для того, чтобы противопоставить идеализму реалистическое мировоззрение, которое должно было служить надежной философской опорой марксизму, а также для того, чтобы разработать свою версию коллективизма, ссылаясь на размышления Маха о коллективном развитии познания и соображения Авенариуса о «конгрегальных системах»; Луначарский нашел в махизме основания этических воззрений, создающих в свою очередь социальные и религиозные мифы; Базаров соотносил учения Маха и Авенариуса с «философией действия»⁸⁴. Эти различные интерпретации эмпириокритицизма вступали в диалог между собой и с современной западной философией, развиваясь в более или менее самостоятельных направлениях. Таким образом, «махизм» — это один из феноменов, порожденных взаимодействием западной и российской культур конца XIX—начала XX вв. Этот вывод превосходит оценку махизма, высказанную В. И. Лениным в пылу грубой полемики с политическими и философскими оппонентами.

Примечания

- 1 Олигер П. С. В часы отдыха // Образование. 1907. № 12. С. 3.
- 2 Вспоминая о своих молодых годах, Виктор Серж писал: «Новая теория энергетики Маха и Авенариуса, обновляющая понятие материи, для нас была важнейшим событием...» (*Serge V. Memoires d'un revolutionnaire 1901—1941* / Ed. Seuil. P., 1951. P. 32).
- 3 См.: Карстаниен Ф. Рихард Авенариус и его общая теория познания / Пер. А. Шиманского. Киев, 1902; Иерузалим В. Введение в философию / Пер. П. Ф. Некрасова. СПб., 1902; Корнелиус Г. Введение в философию / Пер. Г. А. Котляра. Под ред. Н. Н. Ланге. М., 1905;

- Beer T. Мироззрение одного современного естествоиспытателя. (Некритический реферат сочинения Э. Маха «Анализ ощущений») / Пер. Г. А. Котляра // Правда. 1905. № 2. С. 1—64. См. также примеч. 47 и 48.
- 4 Например, 31 марта 1905 г. такую лекцию прочел Василий Васильевич Шарвин, профессор Технического института в Москве. Эта лекция под заголовком «Как создается наука (воззрения Эрнста Маха)» затем была опубликована в журнале «Русская мысль» (1905. № 10. С. 28—60) и издана отдельной брошюрой (М., 1906). П. К. Энгельмейер, русский инженер и друг Э. Маха, передавал ему, что лекция Шарвина вызвала живой интерес (см.: Архив Института Эрнста Маха (ЭМИ), письма П. К. Энгельмейера к Э. Маху от 17 февраля* 1906 г. и 14 апреля 1906 г.).
 - 5 См.: *Vunper P. Ю.* Очерки теории исторического познания // Современный мир. 1910. № 1. С. 214—240; № 3. С. 135—173; № 4. С. 127—156; № 6. С. 165—203; № 9. С. 133—164. Эту же проблему обсуждали два других историка Московского университета — Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, которые, как известно, были близки к политической группе А. А. Богданова (см.: *Рожков Н. А.* К теории исторического монизма // Современный мир. 1910. № 9. С. 165—169; *Рожков Н. А.* Исторические и социологические очерки: Сб. ст. М., 1906; *Рожков Н. А.* Основы научной философии. СПб., 1911; *Покровский М. Н.* Идеализм и законы истории // Правда. 1902. № 2. С. 124—141; № 3. С. 112—126). На философском факультете Московского университета эмпириокритицизмом интересовался приват-доцент Д. В. Викторов (см. его многочисленные статьи в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1900—1908 гг., а также монографию «Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта» (М., 1909)).
 - 6 См. с. 111—112 рецензии на книгу В. А. Базарова «На два фронта», опубликованной в журнале «Русское богатство» (1909. № 12). Здесь рецензент ссылается на ст.: *Базаров В. А.* К вопросу о философских основах марксизма // Памяти Маркса. К двадцатипятилетию со дня его смерти (1883—1908): Сб. ст. СПб., 1908. С. 50—79.
 - 7 *Mach E.* Die Leitgedanken meiner naturwissenschaftlichen Erkenntnislehre und ihre Aufnahme durch die Zeitgenossen // Scientia. 1910. Bd. XIV. S. 227. В Италии эмпириокритицизм Авенариуса имел некоторый успех в начале века (см.: *Pelazza A.* La critica dell'esperienza pura di Riccardo Avenarius. Torino, 1908; *Pelazza A.* Riccardo Avenarius e l'empiriocriticismo. Torino, 1909; *Aliotta A.* Riccardo Avenarius // Cultura filosofica. 1908. № 5. P. 203—221). Во Франции философия Авенариуса пришла уже в 90-е гг. XIX в. (см.: *Delacroix H.* Esquisse de l'empiriocriticisme // Revue de M'etaphisique el de Morale. 1897—1898. № V. P. 61—102; *Van Couwelaert F.* L'empiriocriticisme // Revue N'eoscholastique. 1906. P. 420—433; *Van Couwelaert F.* L'empiriocriticisme de R. Avenarius // Revue N'eoscholastique. 1907. P. 50—63, 166—182.
 - 8 См.: *Einstein A.* Autobiographical Notes / Ed. P. A. Schilpp // Albert Einstein: Philosopher-Scientist. La Salle; London, 1970. P. 21; *Blackmore J. T.* Ernst Mach. Berkeley, 1972. P. 260—285.
 - 9 См.: *Blackmore J. T.* Ernst Mach... P. 182—186; *Carnap R.* Intellectual Autobiography / Ed. P. A. Schilpp // The Philosophy of Rudolf Carnap. La Salle; London, 1963. P. 18, 20.
 - 10 См.: *Musil R.* Beitrag zur Beurteilung der Lehren Machs. Berlin, 1908; *Monti C.* Musil: la metafora della scienza. Napoli, 1983; *Blackmore J. T.* Ernst Mach... P. 187—189; *Adler F.* Ernst Machs Überwindung des mechanischen Materialismus. Wien, 1918. Об особом интересе австрийских марксистов к Маху свидетельствует и Макс Адлер (см.: *Adler M.* Marxismus und Materialismus // Der Kampf. 1910. № 12. S. 564—571; *Adler M.* Mach und Marx. Ein Beitrag zur Kritik des modernen Positivismus // Archiv f' ur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1911. № XXXIII. S. 348—400), и даже Рудольф Гилфердинг, который, между прочим, в «Финансовом капитале» сравнивает понятие «деньги» с маховским понятием «Я» (см.: *Hilferding R.* Das Finanz Kapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus. Frankfurt a. M.; Wien, 1968. S. 33—34.
 - 11 *Валентинов Н.* Эрнст Мах и марксизм. М., 1908. С. 5.
 - 12 См. письмо Ф. Адлера к Э. Маху от 23 июля 1909 г. в кн.: *Holler R., Stadler F.* Ernst Mach. Werk und Wirkung. Wien, 1988. S. 287. См. также: *Володин А. И.* По поводу одного письма Ф. Адлера Э. Маху // Материализм и эмпириокритицизм в России и за рубежом. М., 1930. С. 102—118.
 - 13 Архив ЭМИ, письмо В. Нохотовича к Э. Маху от 26 февраля 1910 г.
 - 14 Когда Валентинов обратился к Маху с прямым вопросом: «Соединимы ли взгляды основоположников научной социологии с принципами Вашего учения?» (*Валентинов Н.* Эрнст Мах и марксизм... С. 5), — тот прояснил свое отношение к философии Маркса, Энгельса и Дицгена, не касаясь политических тем (см.: *Валентинов Н.* Эрнст Мах и марксизм... С. 13—14; *Valentinov N.* Marxisme et philosophie // Le Contrat Social. 1961. № 3. P. 171—177).
 - 15 *Юшкевич П. С.* На тему дня. (К вопросу о философском брожении в марксизме) // Вершины. СПб., 1909. Кн. 1. С. 371.
 - 16 *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1954—1956. Т. 1. С. 669—670.

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

- 17 *Богданов А. А.* Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 66.
- 18 *Луначарский А. В.* Ибсен и мешанство // Образование. 1907. № 5. С. 100—101.
- 19 *Берман Я.* Социал-демократическая философия // Вестник жизни. 1907. № 1. С. 17.
- 20 Богданов хотя и не разделял полностью взглядов Маха и Авенариуса, заявлял: «Эмпириокритицизм есть современная форма позитивизма, развившаяся на почве новейших методов естествознания, с одной стороны, новейших форм философской критики — с другой» (*Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. М., 1904. С. 8). По поводу его критики эмпириокритицизма см. там же, с. 94—107. Кроме того, см.: *Богданов А. А.* Эмпириокритицизм. СПб., 1906. Кн. 3. С. XLI—XLII.
- 21 *Юшкевич П. С.* На тему дня... С. 370. Последовательно развивая эту позицию, Юшкевич, отвечая на критику Ленина, которая содержалась в работе «Материализм и эмпириокритицизм», предложил радикальную реформу марксизма с целью устранения всякого «китаизма»: «...надо разрушить китайскую стену предрассудков, открыть доступ чужим идеям, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений. Надо марксистскую *теократию* преобразовать в европейское государство, надо провести, так сказать, отделение церкви от государства: политику отделить от теории, программу от системы, партию от идеологии. <...> В теории лучше перехватить в сторону свободы, чем недохватить до нее, лучше свобода ошибки, чем рабство перед истиной» (*Юшкевич П. С.* Столпы философской ортодоксии. СПб., 1910. С. 71).
- 22 Желаящих более подробно ознакомиться с данным вопросом могу отослать к моей работе «La recensione dell'empirio-criticismo nella culture russa. 1877—1910»: Dissertazione finale del Dottorato diricerca, 1990—1991, находящейся сейчас в печати. См. также: *Володин А. И.* Бой абсолютно неизбежен. (Историко-критические очерки о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1985; *Strada V.* Ne fede ne scienza // *Bogdanov A., Akselrod L., Bazarov V., Jushkevich P., Gor'kij M.* Fede e scienza. La polemica su «Materialismo ed empirio-criticismo» di Lenin. Torino, 1982. P. 3—54.
- 23 *Барабанов Е. В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 114. Об этом см. также: *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 120.
- 24 Об этом см.: *Vucinich A.* Science in Russian Culture. Stanford, 1970. Vol. 2; *Коштовяц Х. С.* Очерки по истории физиологии в России. М.; Л., 1946; *Уткина Н. Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М., 1975; *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980. Конечно, при показе общей картины событий взгляды отдельных лиц и групп обязательно оказываются упрощенными. Например, эволюционизм принимался некоторыми народниками лишь с серьезными оговорками (см.: *Rogers J. A.* The Russian Populists' Response to Darwin // *Slavic Review.* 1963. Vol. XXII. P. 456—468); не было однозначным и понимание идеализма (см.: *Володин А. И.* Гегель и русская социалистическая мысль. М., 1973).
- 25 *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1939—1953. Т. 10. С. 194.
- 26 См.: *Stella D.* Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Psychology. Dordrecht; Boston; London, 1991.
- 27 *Менделеев Д. И.* Собрание сочинений. М.; Л., Т. 24. С. 455—456.
- 28 То обстоятельство, что Мах и особенно Авенариус вторгались в области психологии и физиологии, бывшие в середине XIX в. ареной антиидеалистической и антивиталистской борьбы нигилистов, весьма способствовало восприятию эмпириокритицизма в России. Более того, эмпириокритицизм явился наследником эволюционизма, который имел значительный успех в течение предшествующих десятилетий. См.: *Vucinich A.* Darwin in Russian Thought. Berkeley, 1988.
- 29 Такими словами его охарактеризовал Ленин (см.: *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 51). «От Конта к Авенариусу» — это название лекции, прочитанной Лесевичем в 1903 г. в Русской высшей школе общественных наук в Париже (см.: *Де Роберты Е. В., Ковалевский М. М., Гамбаров Ю. С.* Русская высшая школа общественных наук в Париже. СПб., 1905; *Лесевич В. В.* Собрание сочинений. М., 1915. Т. 2. С. 340—368.
- 30 *Лесевич В. В.* Собрание сочинений... Т. 1. С. 336. В критике метафизичности классического позитивизма Лесевич сходиллся с Михайловским (см.: *Лесевич В. В.* Собрание сочинений... Т. 1. С. 120—121; *Михайловский И. К.* Суздальцы и суздальская критика // Отечественные записки. 1870. № 4. С. 145—205).
- 31 См.: *Лесевич В. В.* Собрание сочинений... Т. 1. С. 454; *Лесевич В. В.* Новый философский журнал в Германии // Отечественные записки. 1877. № 7. С. 46.
- 32 *Лесевич В. В.* Новый философский журнал в Германии... С. 48.
- 33 Главной работой о биографии Лесевича все еще является статья: *Генейзер Е. В.* Лесевич — в письмах и воспоминаниях // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 44—96. Любопытно отметить, что Лесевич не единожды был присуждаем к ссылке. Между прочим, он опубликовал статью в «Вестнике народной воли» под выразительным псевдонимом «Украинец» (см.: *Лесевич В. В.* (Украинец). Революционеры и естественный ход событий // Вестник народной воли. 1883. № 1. С. 111—138).

- 34 Scanlan J. P. Populism as a Philosophical Movement in Nineteenth-Century Russia: the Thought of P. L. Lavrov and N. K. Michajlovskij // Studies in Soviet Thought. 1984. Vol. XXVII. P. 212.
- 35 Wachler E. Zur Kritik der historischen Methode // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1893. Bd. XVII. S. 491—493.
- 36 Лесевич В. В. Собрание сочинений... Т. 2. С. 660.
- 37 Об этом см.: Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 220; Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 19—20; Юшкевич П. С. [Рецензия] // Современный мир. 1907. № 8. С. 168. Рец. на кн.: Мах Э. Анализ ощущений и отношений физического к психическому. СПб., 1904. Даже А. А. Богданов встал на защиту В. В. Лесевича, когда Н. А. Бердяев заявил, что Лесевич «сам стоит далеко не на высоте своего философского призвания» (Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1904. С. 12; Богданов А. А. Из психологии общества. Статьи 1901—1904 гг. СПб., 1904. С. 172).
- 38 См.: Carstanjen F. Nachruf an Richard Avenarius // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1896. Bd. XX. S. 388; Бонч-Бруевич В. Д. Женевские воспоминания // Под знаменем марксизма. 1929. № 1. С. 30; Деятели СССР и революционного движения России // Энцикл. словарь Граната. Переизд. М., 1989. С. 547. К узкому кругу последователей Авенариуса принадлежал и В. В. Тронин, русский рабочий, приехавший в Цюрих в 1893 г. и скоро ставший другом философа и сотрудником его журнала (см.: Бонч-Бруевич В. Д. Женевские воспоминания... С. 30—34; Tronin V. V. Aus russischen Zeitschriften // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1898. Bd. XXII. S. 363—367; Lessewitsch W. W. Der philosophische Nachlass des XIX Jahrhunderts // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1898. Bd. XXI. S. 238—240; Тронин В. В. Обзор «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», 1897, № 1—4 // Вопросы философии и психологии. 1898. № 3. С. 238—244.
- 39 Письма к Э. Маху, хранящиеся в Архиве ЭМИ, частично опубликованы и кн.: Blackmore J. T. Ernst Mach... P. 236—240.
- 40 См., например: Архив ЭМИ, письма Б. Колбе к Э. Маху от 16 ноября 1891 г., 11 октября 1892 г., 6 декабря 1892 г., 1 марта 1895 г., 22 марта 1895 г.; письмо Зинденберга к Маху от 5 октября 1892 г.; письмо П. К. Энгельмейера к Э. Маху от 28 марта 1900 г. См. также: Blackmore J. T. Ernst Mach... P. 236.
- 41 Этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи, об этом см.: Vucinich A. Science in Russian Culture... Vol. 2. P. 362—375; Steila D. La ricezione dell'empirio-criticismo nella cultura russa... Что касается утверждения В. И. Ленина о том, что Н. И. Шишкин является сторонником махизма, то оно не имеет под собой никаких исторических оснований (см.: Лопатин Л. М. Физик-идеалист. М., 1908).
- 42 Архив ЭМИ, письмо П. К. Энгельмейера к Э. Маху от 29 января 1897 г. В Архиве ЭМИ хранится 44 письма П. К. Энгельмейера, некоторые из них опубликованы (см.: Ernst Mach als Aussenseiter. Machs Briefwechsel über Philosophie und Relativitätstheorie mit Persönlichkeiten seiner Zeit / Hrsg. J. T. Blackmore, K. Hentschel. Wien; New York, 1964. S. 71—75).
- 43 См.: Мах Э. Научно-популярные очерки / Пер. Э. Мейера; Под ред. и с предисл. П. К. Энгельмейера. М., 1901. Некоторые письма Энгельмейера свидетельствуют о его заботе относительно этого перевода (см.: Архив ЭМИ, письма П. К. Энгельмейера к Э. Маху от 29 марта 1897 г. и 7 августа 1897 г.).
- 44 Мах Э. [Предисловие] // Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб., 1910. С. 4.
- 45 См.: Энгельмейер П. К. Теория познания Эрнста Маха // Вопросы философии и психологии. 1897. № 3. С. 443—455. В конце статьи автор представил гносеологию Маха в виде 16 тезисов, составив таким образом своего рода «Катехизис» Маха, который позднее был одобрен самим философом (см.: Архив ЭМИ, письма П. К. Энгельмейера к Э. Маху от 29 марта 1897 г. и 7 августа 1897 г.).
- 46 Филиппов М. М. Русская философия в 1898 году // Научное обозрение. 1899. № 1. С. 156.
- 47 См.: Мах Э. Закон причинности и объяснение // Научное обозрение. 1898. № 10. С. 1708—1714; Мах Э. Методы и цель научного исследования // Научное обозрение. 1898. № 12. С. 2134—2150; Мах Э. Видоизменение и приспособление в области естественнонаучного мышления // Научное обозрение. 1899. № 1. С. 93—103; Мах Э. Роль случая в открытиях и изобретениях // Научное обозрение. 1902. № 3. С. 90—103; Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. Прологомена к критике чистого опыта / Пер. И. Федорова; Под ред. М. М. Филиппова // Научное обозрение. 1899. Прилож.; Авенариус Р. Человеческое понятие о мире / Пер. И. Федорова; Под ред. М. М. Филиппова // Научное обозрение. 1901. № 10, 11, прилож.; Филиппов М. М. Психология Авенариуса. По неизданным материалам // Научное обозрение. 1899. № 2. С. 400—423; № 3. С. 599—619; Филиппов М. М. О философии чистого опыта // Научное обозрение. 1898. № 5. С. 924—937, 1054—1069.
- 48 См.: Мах Э. Для чего у человека два глаза? // Образование. 1898. № 5—6. С. 178—190; Мах Э. Об относительной ценности филологических и естественнонаучных предметов для

- образования // Жизнь. 1901. № 2. С. 77—96; *Мах Э.* Развитие индивидуальности в естественных условиях и в культурной среде // Русская мысль. 1906. № 2. С. 27—40 (последняя статья является переводом главы из «Познания и заблуждения»); *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Пер. М. М. Филиппова. СПб., 1904.
- 49 *Валентинов Н.* Рецензия на книгу «Критика чистого опыта Р. Авенариуса. Новая теория позитивного идеализма в изложении А. Луначарского» // Правда. 1905. № 6. С. 185—188. См.: *Гуревич А.* К теории познания // Жизнь. 1900. № 2. С. 30—57; № 3. С. 67—80; № 4. С. 55—80; *Гуревич А.* Критицизм // Жизнь. 1901. № 1. С. 208—216.
- 50 *Гуревич А.* К теории познания // Жизнь. № 2. С. 34.
- 51 *Бердяев Н. А.* Борьба за идеализм // Мир божий. 1901. № 6. С. 2.
- 52 *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 104.
- 53 *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 348. В этот сборник были включены в основном статьи, опубликованные ранее (с конца 90-х гг.).
- 54 Там же, с. 222—227.
- 55 Там же, с. 239. См. также: *Лесевич В. В.* Собрание сочинений... Т. 1. С. 281—282.
- 56 См.: *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды... С. 197—198.
- 57 Там же, с. 111.
- 58 Там же, с. 126.
- 59 Там же, с. 129.
- 60 Там же.
- 61 Там же, с. 14.
- 62 Там же, с. 173.
- 63 *Чернов В. М.* Конечный идеал социализма и повседневная борьба. СПб., 1906. С. 12.
- 64 *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды... С. 379, 376.
- 65 Там же, с. 379. Рядом с эмпириокритицизмом и воззрениями Михайловского Чернов ставил взгляды американского социолога Франка Лестера Уорда, подход которого уже Лесевич сопоставлял с методологическим подходом Авенариуса (см.: *Чернов В. М.* Философские и социологические этюды... С. 96—97; *Лесевич В. В.* Международный язык культурных сношений // Русская мысль. 1903. № 2. С. 83—84.
- 66 Цит. по: *Бонч-Бруевич В. Д.* Женевские воспоминания... С. 33.
- 67 *Гельфонд И.* Философия Дишгена и современный позитивизм // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 245.
- 68 *Иванов-Разумник Р.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Париж, 1969. С. 466.
- 69 Сначала оба революционера жили некоторое время в ссылке в Калуге, где находились также В. А. Базаров и И. И. Скворцов-Степанов, потом несколько лет провели в Вологде вместе со многими другими ссыльными, в том числе с Н. А. Бердяевым. Будучи одним из главных центров политических и философских дискуссий, Вологда тогда считалась среди ссыльных «Северными Афинами» (см.: *Ремизов А.* Северные Афины // Современные записки. 1927. Вып. XXX. С. 233—277; *Biggart J.* Bogdanov and Lunacharsky in Vologda // Newsletter of the Study Group on the Russian Revolution. 1980. № 5. P. 28—39.
- 70 Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. V.
- 71 См.: Очерки реалистического мировоззрения... С. VI—VII; *Богданов А. А.* К вопросу о новейших философских течениях // Вопросы философии и психологии. 1902. № 5. С. 1049—1059; *Богданов А. А.* Эмпириомонизм. М., 1904. С. 8—57; *Богданов А. А.* Замечания автора статьи «Философский кошмар» // Правда. 1904. № 8. С. 173—174; *Луначарский А. В.* Основные идеи эмпириокритицизма // Образование. 1904. № 10. С. 54—64; *Луначарский А. В.* Этюды критические и полемические. М., 1905. С. 346—368; Критика чистого опыта Авенариуса в популярном изложении А. Луначарского. М., 1905.
- 72 См.: Очерки реалистического мировоззрения. С. 194—199.
- 73 Там же, с. 209—211.
- 74 Там же, с. 211—212.
- 75 Там же, с. 212.
- 76 См., например: *Плеханов Г. В.* Сочинения. М.; Пг., 1923—1927. Т. 13. С. 208—209, 275; *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения... Т. 3. С. 68—71; *Аксельрод (Ортодокс) Л. И.* Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. СПб., 1906. С. 171—184. Ленин возражал критикам Плеханова в ходе III съезда РСДРП (см.: Третий очередной съезд РСДРП. Полный текст протоколов. Женева, 1905. С. 167—168).
- 77 *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. 1. С. 671.
- 78 *Морев А.* Философские самокритика марксизма. СПб., 1909. С. 8—9.
- 79 *Юшкевич П. С.* Материализм и критический реализм. О философских направлениях в марксизме. СПб., 1908. С. 73. Выступая на стороне ортодоксов, Ленин приводил в качестве доказательства

- непримиримости махизма с марксизмом мнимое согласие эмпириокритицизма с «субъективизмом» народников (см.: *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм... С. 333; *Блюм (Н. Рахов) О.* К философии марксизма. (Две статьи о русских эмпирио-критиках). Рига. 1908. С. 56–57).
- 80 *Юшкевич П. С.* Материализм и критический реализм... С. 73. По поводу своего эмпириосимволизма в другом месте он писал: «Развиваемая мной теория эмпириосимволизма не ставит себе прямой задачей выработку специально марксистского миросозерцания. Философские проблемы она берет прежде всего с чисто философской стороны» (*Юшкевич П. С.* На тему дня... С. 383).
- 81 *Юшкевич П. С.* Материализм и критический реализм... С. 73.
- 82 Как известно, этот вопрос был поднят и на страницах журнала немецкой социал-демократии «Die Neue Zeit», приведшего распространенное мнение о махизме как философии большевизма, что вызвало резкое опровержение со стороны большевистского органа «Пролетарий» (см.: *Bogdanov A. A.* Ernst Mach und die Revolution // Die Neue Zeit. 1908. Jngr. XXVI. Bd. 1. S. 695–696; Заявление // Пролетарий. 1908. 13 февр.; Notizen: Mach in Russland // Die Neue Zeit. 1908. Jngr. XXVI. Bd. 1. S. 898).
- 83 См.: *Kelly A.* Empiricriticism: A Bolshevich Philosophy? // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. XXII. P. 89–118; *Кузьмин А. Г.* К какому храму ищем мы дорогу? // Наш современник. 1988. № 3. С. 157; *Гангнус А.* На руинах позитивной эстетики. Из истории одного термина // Новый мир. 1988. № 9. С. 147–163; *Гангнус А.* Что ты сделал с братом своим? // Театр. 1989. № 6. С. 92–110. См. также критику указанных авторов в ст.: *Gloveli G. D.* «Socialism of Science» Versus «Socialism of Feelings»: Bogdanov and Lunacharsky // Studies in Soviet Thoughts. 1991. № 42. P. 29–32.
- 84 См., например: *Луначарский А. В.* Будущее религии // Образование. 1907. № 10. С. 1–25; № 11. С. 30–67; Литературный распад. Критический сборник. СПб., 1908. С. 153–172, 287–299; Очерки философии коллективизма. СПб., 1909; *Н. Н.* О пролетарской этике. М., 1906. По поводу «коллективизма» основоположников эмпириокритицизма см.: *Mach E.* Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Pshychischen. Darmstadt, 1985. S. 3–4; *Avenarius R.* Kritik der reinen Erfahrung. Leipzig, 1908–1921. S. 328–351.

*Авторизованный перевод с итальянского
Научное редактирование А. Г. Барабашева*